

ПОПОВКИН Андрей Владимирович

канд. филос. наук, зав. кафедрой философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andrey.popovkin@gmail.com

Толерантность во внутренней национальной политике: условия, риски, возможности

УДК 304.4:172

DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/56-64

*толерантность,
обычай,
этническая группа,
духовно-нравственные
ценности,
внутренняя политика*

В статье рассматривается вопрос о толерантности как ценностной установке, реализуемой во внутренней политике. В ходе анализа понятия толерантности показано, что она есть ценностная установка, основанная на признании человеческого достоинства. Выявлена одна из основных причин интолерантности – несовпадение ценностных иерархий у людей или социальных групп. Исходя из выработанного понимания толерантности и анализа материала сформулирован принцип духовного здоровья человека (или социальной группы), на основе которого предложено решение проблемы границ толерантности. Рассмотрены проблемы и пути разрешения конфликтов, связанных с неприемлемыми убеждениями и обычаями социальных и этнических групп.

Вот уже почти два десятка лет российская культура осваивает концепцию толерантности. Однако, хотя федеральные и региональные власти прикладывают немало усилий по реализации политики толерантности, само это понятие вызывает неоднозначное отношение в обществе. Зачастую оно ассоциируется с сугубо "западными" ценностями, а то и прямо с продвижением ценностей ЛГБТ-сообщества. Ситуация лишь усугубилась с подъемом в России патриотического движения: либерально-западнические круги нашей интеллигенции увидели в патриотизме рост нетерпимости и угрозу толерантности, а патриотические круги, свою очередь, видят в толерантности фактор, размывающий нравственную позицию и гражданскую идентичность. В глухой оппозиции концепции толерантности находится и РПЦ. Настороженное отношение к ней хорошо выражают слова Патриарха Кирилла: "Очень не люблю это слово, но оно вполне уместно, когда мы терпимо относимся к иной точке зрения, пусть ошибочной, пусть странной для нас" [4]. При этом, как показывают социологические исследования, реальный уровень толерантности наших граждан достаточно высок – около 80% населения России придерживается убеждения, что "человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается другого мнения" [1, с. 214].

Сам автор этих строк долгое время относился к идее толерантности настороженно и даже пытался предложить какие-то альтернативы [5]. Дело здесь в парадоксальности самой концепции толерантности. Как признает один из ведущих отечественных специалистов по этой проблеме Л.М. Дробижина, толерантность "вовсе не является самоочевидной ценностью,

Для цитирования:

Поповкин А. В. Толерантность во внутренней национальной политике: условия, риски, возможности // Известия Восточного института. 2021. № 4. С. 56–64. DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/56-64

напротив, она всегда требует аргументации" [2, с. 16]. Однако хочется отметить, что толерантность, особенно в российской культуре, требует не только аргументации, но и прояснения. И поскольку основной контекст, в котором это понятие применяется на практике – отношения людей и социальных групп, основным предметом данного исследования является осмысление толерантности как ценностной установки, реализуемой во внутренней политике. Указанная проблематика предполагает разрешение ряда задач, и прежде всего это прояснение природы толерантности, выявление её связи с другими ценностями. Далее необходимо будет рассмотреть одну из важнейших задач, связанных с практикой толерантности, – речь идет о проблеме границ толерантности. И поскольку мы будем понимать толерантность именно как ценность, необходимо будет в этих же терминах предложить решение проблемы интолерантности, а также наметить пути её преодоления на практике.

В научной литературе можно найти более или менее обширные изложения этой концепции. Однако мы попытаемся сформулировать кратко: *толерантным отношением называется такое, в котором субъект отказывается применять силу (власть) для устранения неправильного убеждения или формы поведения другого субъекта*. Под субъектами здесь можно понимать как отдельных индивидов, так и некие сообщества. Важно отметить, что толерантность принципиально отличается от безразличия – она имеет место именно в том случае, если субъект считает (верно или ошибочно) убеждения или форму поведения другого объективно неправильной. Отличается толерантность и от терпения. Ведь терпение предполагает временное отношение к чему-то неприятному, толерантность же – постоянная нравственная установка. Важно и то, что толерантность нельзя навязать политическим решением или силой закона – ведь это будет противоречить логике самой концепции толерантности. Толерантность может быть только свободно принята неким субъектом (личностью или сообществом), в качестве нормы своего поведения.

Таким образом, по самому своему существу толерантность является именно моральной добродетелью. Однако отнюдь не случайно Д. Хейд называет её "ускользающей добродетелью" [9]. Например, один из важнейших вопросов: совместима ли толерантность с приверженностью личности моральным ценностям? Ведь моральные ценности, поскольку они у нас есть, непременно выступают руководящими принципами наших поступков¹, в том числе и в форме противостояния тому, что мы полагаем неправильным или несправедливым. Ещё острее этот вопрос проявляется в сфере педагогики: "... как можем мы надеяться воспитать в ребенке личность, приверженную тем или иным моральным ценностям, и, в то же самое время, толерантно относящуюся к их нарушению?" [8, с. 197].

Проблема противостояния злу или, шире, тому, что считается морально неприемлемым, силой вызывает множество споров². Однако ясно, что сохранить приверженность неким нравственным ценностям и при этом проявить толерантное отношение к носителям неприемлемых убеждений или форм поведения, можно только в одном случае – если у нас имеется некая более высокая ценность, оправдывающая наше непротивление. Такой ценностью может выступить, например, уважение к личности: "Человек выбирает в пользу толерантности, если как-то ослаблено его несогласие с отклонением, или же если его уважение к личности носителя этого отклонения является

¹ Немецкий философ Макс Шелер полагал, что моральные ценности не только имеют абсолютно у каждого человека (правда, это могут быть и неверные ценности), но и что они определяют все мировосприятие (а не только поступки), диктуя, на что обратить внимание, а что проигнорировать и т.д.

² Желаящие могут, например, ознакомиться с работой И.А. Ильина "О сопротивлении злу силою" и реакцией на нее Н.А. Бердяева в работе "Кошмар злого добра".

особенно сильным. Иными словами, нам всегда необходимы какие-то основания для того, чтобы быть толерантными" [2, с. 16].

К переосмыслению своего отношения к концепции толерантности меня подтолкнуло знакомство с обоснованием толерантности как живой этической ценности. А именно, *собственное внутреннее достоинство толерантности зиждется на ценностях, входящих в фундамент человеческого достоинства*: с одной стороны, свободного и осознанного внешнего выбора, а с другой – самоопределения человека [7]. Эти ценности часто связывают с либерализмом Нового времени. Однако их вполне можно увидеть и, например, в таких традиционных христианских концепциях, как свобода воли и нравственная ответственность человека. Ведь невозможно говорить об ответственности того, кто не обладает возможностью самоопределения и свободой выбора относительно того, как ему поступить (или не осознает эту свободу, по не зависящим от него причинам, например, в силу возраста). Иными словами, толерантность утверждает в качестве ценности фундаментальное для человеческой природы право любого быть собой, иметь собственные убеждения и вести себя в соответствии с ними. Понимаемая таким образом толерантность вовсе не обязательно требует морального релятивизма или плюрализма, поскольку вполне допускает наложение границ на самоопределение и свободу выбора человека в той части, где они касаются прав и свобод других людей и общества в целом, в соответствии с иными ценностями. И именно из такого понимания толерантности мы будем исходить в дальнейшем рассмотрении более конкретных проблем, связанных с её реализацией в национальной политике.

Чаще всего понятие толерантности увязывается с религиозными убеждениями. Этот аспект очень важен во внешней политике и международных отношениях, а также в вопросах противодействия терроризму. Однако во внутренней политике конфликты на религиозной почве явление скорее исключительное. Гораздо чаще причиной конфликтов этнических и социальных групп становятся противоречия в убеждениях относительно ценностей, обычаев и интересов. И даже конфликты, имеющие религиозное "измерение", как правило, начинаются с конфликта убеждений, интересов или обычаев. Попробуем рассмотреть возможности применения концепции толерантности в случае указанных противоречий.

В российский политический, научный и педагогический лексикон прочно вошли такие понятия, как "традиционные ценности" и "базовые ценности" российской культуры. Мы часто слышим призывы отстаивать традиционные ценности, воспитывать на их основе подрастающее поколение. Правда, при кажущейся интуитивной ясности конкретное содержательное наполнение этих "традиционных" и "базовых" ценностей вызывает пока много вопросов. Ответы на них пытаются дать социологи, общественные и религиозные организации, предлагая собственные списки и классификации ценностей. К сожалению, в большинстве случаев эти попытки, не основанные на серьезной историко-антропологической и этико-философской базе, грешат априоризмом. Более того, нам приходится согласиться с социологом М. Рудневым в том, что ввиду неопределенности понятия традиционные ценности весьма часто становятся инструментом политических манипуляций [6]. Возможно, поэтому мы пока не имеем

консенсуса ни среди специалистов, ни в обществе относительно набора и иерархии традиционных ценностей российской культуры. Кроме того, далеко не все исследователи различают ценности и убеждения относительно ценностей. А ведь человек или социальная группа могут не осознавать свои ценности или даже иметь ложные убеждения о них³.

Сказанное не означает, однако, что базовых или традиционных ценностей российской культуры не существует. Напротив, думается, что эта интуиция верна, и у неё есть достаточно веские теоретические основания⁴. Хотя содержательная проработка и выявление действительно базовых и традиционных для российской культуры ценностей ещё требует дополнительных глубоких исследований. Равным образом, в теоретических и практических целях нужно поставить вопрос о порядке или иерархии этих ценностей, а также о том, должен ли этот порядок быть единым у всех граждан или допустимы различия. Ведь принцип толерантности должен действовать не только в отношении ценностей, но и, по-видимому, в отношении их иерархий.

Однако, прежде чем продолжить, нам хотелось бы наметить здесь *границу применимости толерантности*. В качестве таковой можно взять *принцип духовного здоровья* человека или социокультурной общности. В первом приближении этот принцип состоит в том, что реализация базовых ценностей⁵ с учетом их иерархии не должна приводить к саморазрушению, причем как непосредственно, так и путем разрушения своего окружения. Например, народ, у которого ценность патриотизма отсутствует или стоит слишком низко в иерархии ценностей, в случае войны попросту окажется не способен мужественно сопротивляться врагу. Да и вряд ли такая нация сможет долго сопротивляться центробежной силе эгоизма своих собственных членов. С другой стороны, если у нации или иной общности отсутствует уважение человеческого достоинства своих членов, в ней становится невозможным творческое развитие культуры, науки и искусства. Такое сообщество беднеет и умирает духовно⁶. Патологической следует признать и такую систему ценностей, которая ведет к разрушению окружения (других людей или народов, или природы) или выстраиванию патологических связей (ведущих к деградации одного или всех участников). Например, высокий уровень патриотизма и гражданского единства фашистской Германии, направленный на покорение и уничтожение других народов, следует признать проявлением духовной болезни нации, приведшей ее к болезненному падению. Так же можно видеть саморазрушительный характер выстраивания на Украине политического самосознания на основе враждебного отношения не просто к своему соседу – России, но к русской культуре и языку.

Конечно, вопрос о духовном здоровье народов требует дальнейшей проработки. Однако, исходя из вышесказанного и тезиса о единстве человеческой природы, решимся предположить, что все духовно здоровые социокультурные и этнические общности (и даже люди) различаются не столько набором своих базовых ценностей⁷, сколько их порядком. Часто именно несовпадение ценностных иерархий заставляет представителей одной этнической или социальной группы или религии видеть в других "беззаконие", один народ подозревать другой в "безнравственности". Дело в том, что сам характер нашего

³ Иногда человек только думает, что нечто для него ценно или наоборот малоценно, а реальная жизненная ситуация, требующая выбора и поступка, всё расставляет по своим местам.

⁴ Например, М. Шелер в работе "Ordo amoris" теоретически обосновывает существование у каждого человека и народа собственной системы ценностей, в основе которой лежит некая уникальная "формула любви и ненависти", присущая именно и только этому человеку или народу и раскрывающая их духовную сущность.

⁵ Вопрос о том, какие именно ценности считать базовыми, как мы отмечали, пока недостаточно прояснен. В данном контексте будем понимать под ними те ценности, которые полагаются важными сами по себе, а не как средство для достижения чего-либо.

⁶ Именно такое духовное угасание людей можно видеть в различных сектах, построенных на жестком подавлении свободы воли и человеческого достоинства своих адептов.

⁷ Так, исследования Института социологии РАН показывают большее количество общих ценностей и важных жизненных ориентиров у народов, населяющих Россию. Подробнее см. [1, с. 214].

⁸ Данные наблюдения были получены автором в ходе опросов мигрантов на лекциях о русской культуре, организованных ФМС Приморского края.

⁹ Достаточно вспомнить о таком кавказском обычае как "убийство чести", когда родственники сами расправляются с "опозорившим род" членом семьи.

познавательного отношения к миру вообще и миру ценностей в частности, таков, что мы неизбежно сравниваем познаваемое с уже известным, а чужое со своим собственным. В результате взгляду человека иная национальная культура порой предстает как искажающая "верную" (чаще всего – привычную, принятую в его социальной группе) иерархию ценностей.

Поясним сказанное на примере. Как русские, так и представители большинства мусульманских народов признают такие ценности, как личные отношения, дружба, долг перед семьей, долг перед общиной. Однако их порядок различается. Так, если у русских, особенно в молодежной среде, семейные отношения и дружба – ценности "почти равные", а долг перед общиной ("коллективом") стоит в этой иерархии ниже всех перечисленных (особенно после распада СССР), то для народов Кавказа и Средней Азии семья, как правило, важнее, чем дружба⁸. Много более высокое место в иерархии ценностей занимает у них и долг перед общиной. В некоторых случаях этот долг может вступать в очень острый нравственный конфликт с семейными узами⁹. В результате, с точки зрения русского обывателя, выходцы с Кавказа и Средней Азии кажутся неспособными к настоящей дружбе, а следовательно, не заслуживают доверия. И обратно: для выходцев с Кавказа русские предстают как люди, не знающие приличий, не чтящие обычаев и потому непредсказуемые и ненадежные.

В подобных случаях путь к решению проблемы лежит в сфере политики толерантности и просвещения. Здесь мы имеем классический случай "неприемлемых убеждений" (вернее, "неправильной" иерархии ценностей), разделяемых некоей этнической группой. Важно отметить, что острота этой неприемлемости может быть в значительной мере смягчена через разъяснение (в ходе разговоров, на примерах из жизни и т.п.) того, что другая социальная группа тоже разделяет важные ценности, имеет о них сходные убеждения, но только *расставляет их в ином порядке приоритетов*. Так, например, принимающему русскому населению важно показать, что дружба и самопожертвование, любовь к Родине и милосердие отнюдь не чужды мусульманам. Не стоит забывать и об "обратной" разъяснительной работе среди выходцев из исламских регионов, показывая, как реализуются в русской культуре важные для них ценности (например, честь и достоинство), в каких убеждениях, обычаях и формах поведения это выражается. Иными словами, нужно сосредоточить усилия на том, чтобы показать, что иная социальная или этническая группа не безнравственна (ведь в этом случае подозрения справедливы и толерантность неуместна), а имеет другой порядок нравственных приоритетов и иные формы выражения нравственных норм. Таким образом, будут сформированы условия для толерантного отношения друг к другу.

В этой связи скажем несколько слов об обычаях и связанных с ними убеждениях. Важно понимать, что для обыденного сознания предельным основанием поступков (конечным ответом на всякое "почему делаешь/поступаешь так?") как правило выступает обычай. Например, частый ответ на вопрос, почему мужчины должны уступать место женщинам – "так поступают воспитанные люди" – фактически означает: "потому что у нас так принято". В этом отношении значение обычаев в отношениях различных социальных и этнических групп трудно переоценить. Собственно говоря, обычаи часто

являются основным фактором самоидентификации членов группы: "мы те, кто в таких обстоятельствах поступает так-то". В форме обычаев фиксируются многие важные элементы народной культуры. Соответственно "правильное" и "неправильное" в культуре получает свой статус зачастую именно в отношении обычаев, причем не только в традиционных культурах.

Очень важный момент в соотношении моральных норм с обычаями выделил представитель отечественной этики О.Г. Дробницкий. Так, "... обычная норма распространяется только на ту социальную общность, которая эту норму повседневно практикует" [3, с. 420], т.е. нормы обычая хотя и имеют общезначимый характер, но распространяются лишь на конкретное сообщество (на "своих", но не на "чужих"), тогда как моральные нормы носят универсальный характер – "... представления о правильном и должном распространяются на людей безотносительно к их групповой, племенной или национальной принадлежности" [3, с. 420-421]. Здесь следует отметить, что не все социальные общности в своем развитии доходят до формирования универсальных норм морали, которые равным образом распространялись бы как на "своих", так и на "чужих". Ведь, как известно, для многих традиционных сообществ универсальность человеческой природы отнюдь не является очевидным фактом, и даже человеческий статус "своих" требует верификации в различных процедурах инициации и т.п.

Ситуация тесного и интенсивного этнокультурного взаимодействия, особенно характерная для крупных мегаполисов, вырывающая человека из замкнутого мира его этнокультурной общности, нередко создает ситуацию, когда он вынужден, либо оставаясь в рамках усвоенных обычаев, оценивать нечто, априори выходящее за рамки его обычных норм, либо, поднимаясь на уровень морального сознания, выносить моральные суждения относительно тех или иных поступков и обычаев других людей и этнокультурных общностей. Соответственно, та или иная этнокультурная группа может восприниматься как неправильная или даже неприемлемая в силу неприемлемости какого-то их обычая. Памятный многим пример – скандал, связанный с попытками мусульман в праздник резать баранов во дворах московских многоэтажек. С их точки зрения – хороший и благочестивый обычай, но, с точки зрения русского городского населения, забой скота – это действие "не чистое", либо жестокое, и его не следует осуществлять публично – "так у нас не принято". Подобные конфликты, с одной стороны, осложняются тем, что, как было сказано выше, сами основания обычаев, как правило, не осознаются не только обывателями, но и представителями властей – это дело философов и антропологов. С другой стороны, у большинства народов в "правила приличий" входит норма, выражаемая пословицей "в Риме поступай как римлянин". В этом отношении зону повышенного риска представляют районы компактного или преимущественного проживания прошлого населения, побуждающие их, например, считать некий микрорайон российского города "маленьким Ташкентом".

В целом приходится признать, что политика толерантности в отношении обычаев имеет значительно меньше возможностей, чем в отношении религиозных, политических и иных убеждений. Обычаи слишком важны для нормального течения жизни, а неприемлемые

¹⁰ Например, не так давно общество было взбудоражено публикациями о женском обрезании – варварском обычае, до сих пор соблюдаемом в некоторых регионах России.

¹¹ Законодательному понятию "территории традиционного природопользования" гораздо больше соответствовал бы территориальный же принцип представления квот и предпочтений, т.е. для всех постоянно проживающих на данной территории, не зависимо от этнической принадлежности.

обычаи слишком легко это нормальное течение нарушают. В том числе и потому, что в форме обычаев, включая и нормы повседневного общения, мы имеем так называемые "фоновые смыслы", делающие возможным сам процесс социальной коммуникации. Кроме того, следует признать наличие такого феномена, как "деструктивный обычай"¹⁰, в отношении которого политика толерантности неприемлема.

Выход здесь видится в том, чтобы переключить внимание социальной или этнической группы, выступающей носителем неприемлемого обычая, на ценность или убеждение, которое данный обычай выражает и транслирует в их культуре. Почти всегда можно найти иные формы выражения или иные формы отправления обычая. Так, в случае с забоем животных на мусульманский праздник были выделены специальные места для этого. И, конечно же, не следует забывать важности просветительской работы, ведь, с одной стороны, понимание значения чужого обычая может снять его неприемлемость, а с другой – понимание того, что твой обычай вступает в противоречие с обычаями принимающего населения, побудит искать более приемлемые формы его реализации.

Однако различие и разделение форм социального поведения и этничности, особенно в сознании обывателя, отнюдь не простая задача. Ведь сама этничность, согласно представлениям современных антропологов, может рассматриваться как форма социальной организации культурных различий. Тем не менее это вовсе не означает, что сохранение этничности требует неизменности или полной однородности ее культурных форм, и в том числе народных обычаев. Если мы взглянем на русскую культуру, то увидим, что она содержит в себе множество региональных различий (в говоре, одежде, обрядах и т.п.) и неоднократно на протяжении истории претерпевала серьезные изменения, не переставая при этом быть собой. Иными словами, современному русскому человеку нет нужды надевать косоворотку и играть на балалайке, чтобы почувствовать свою принадлежность к русской культуре.

К сожалению, порой за отставанием убеждений или традиций той или иной социальной или этнической группы скрываются политические или экономические интересы. Здесь хотелось бы отметить, что важным аспектом политики толерантности выступает отказ не только от принуждения инакомыслящих, но и от выдачи привилегий на основании убеждений, религиозной, политической или этнической принадлежности. Поэтому, например, нам представляется ошибочной практика (к сожалению, закреплённая законодательно) предоставления политических или экономических предпочтений (включая особые квоты на вылов рыбы и т.п.) по этническому признаку¹¹. Ведь в данном случае поощряется "этническое предпринимательство", для которого этническая культура и ценности лишь средство для извлечения политической или экономической прибыли.

В заключение отметим, что Россия исторически формировалась как страна, где вместе живут разные этнические общности и люди с различными обычаями и убеждениями. Большая часть народов России имеет опыт длительного совместного проживания, совместную историю и, что самое главное, общее культурно-историческое наследие, обуславливающее общность жизненных смыслов и ценностей. Однако не стоит закрывать глаза и на не изжитые последствия

аномии 90-х, весьма пагубно сказывающиеся на уровне общественно-морального сознания до сих пор. И несмотря на идущие споры относительно состава и иерархии ценностей, которые должны стать базовыми для современной российской культуры, в действительности на сегодняшний день доминирующей ценностью зачастую оказывается личный успех. И здесь вполне возможно формирование псевдо-толерантного общества, когда ярких конфликтов нет просто потому, что людям, озабоченным личным успехом, просто нет дела друг до друга. Однако такая ситуация может держаться лишь до тех пор, пока ресурсов достаточно, а большая часть общества питает более или менее обоснованные надежды на достижение личного успеха. В противном случае ситуация может стремительно накалиться. И гораздо более надежным представляется выстраивание внутренней национальной и экономической политики в русле концепции "человеческого потенциала" (human development), когда центром общих усилий выступает каждый человек, его жизненные смыслы, достоинство, ценности и интересы, особенно направленные на благо общества. Такое состояние общества будет соответствовать зрелому моральному сознанию, включающему в себя моральную добродетель толерантности.

Литература

1. Дробижина Л.М. Россия на пути к более этнически толерантному и интегрированному обществу // "Идеальное общество" в мечтах людей в России и в Китае [колл. моногр.]. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.
2. Дробижина Л.М., Даен Д.В., Кузнецов И.М. и др. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
3. Дробницкий О.Г. Научная истина и моральное добро // Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
4. Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы участников VII Международного фестиваля "Вера и слово" 25.10.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4650924.html> (дата обращения 16.11.2020).
5. Поповкин А.В., Пчелкина С.Ю. Толерантность и метакультура // Этническое многообразие в условиях социальных трансформаций: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. С. 54–58.
6. Руднев М. Традиционные ценности и реальность // Ведомости. 17.05.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionniet-sennosti> (дата обращения 16.12.2020).
7. Celicates R., Gosepath S. Politische Philosophie: Grundkurs Philosophie. Bd. 6. – Stuttgart: Reclam, 2016. 244 s.
8. Heyd D. Education to Toleration: Some Philosophical Obstacles and their Resolution// The Culture of Toleration in Diverse Societies: Reasonable Tolerance, Ed. by C. McKinnon, D. Castiglione. Manchester University Press, 2003. 224 p.
9. Toleration: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. Princeton University Press, 1996. 243 p.

Andrey V. POPOVKIN,

Ph. D. (in Philosophy), Head of Philosophy Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).

E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Tolerance in Domestic National Politics: Conditions, Risks, and Opportunities

UDC 304.4:17

DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/56-64

*tolerance,
folk custom,
ethnic group,
spiritual and moral
values,
internal politics*

The article considers the issue of tolerance as a value set-up implemented in domestic politics. The analysis of the concept of tolerance shows that it is a value-based attitude built on the recognition of human dignity. One of the main reasons for intolerantness is the mismatch of value hierarchies in people or social groups. Based on the developed understanding of tolerance and analysis of the material the principle of spiritual health of the person (or social group) is formulated, on the basis of which the solution of the problem of the boundaries of tolerance is proposed. Issues and ways of resolving conflicts related to unacceptable beliefs and customs of social and ethnic groups are considered.

For citation: Popovkin A. V. Tolerance in Domestic National Politics: Conditions, Risks, and Opportunities // Oriental Institute Journal. 2021. № 4. P. 56–64. DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/56-64

References

1. Drobizheva L.M. Rossiya na puti k bolee ehtnicheski tolerantnomu i integririvannomu obshhestvu // "Ideal'noe obshhestvo" v mechtakh lyudej v Rossii i v Kitae [koll. monogr.]. M.: Novyj khronograf, 2016. 424 s.
2. Drobizheva L.M., Daen D.V., Kuznetsov I.M. i dr. Sotsiologiya mezhehtnicheskoy tolerantnosti / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN. 2003. 222 s.
3. Drobnitskij O.G. Nauchnaya istina i moral'noe dobro // Moral'naya filosofiya: Izbr. trudy / Sost. R.G. Apresyan. M.: Gardariki, 2002. 523 s.
4. Otveti Svyatejshego Patriarkha Kirilla na voprosy uchastnikov VII Mezhdunarodnogo festivalya "Vera i slovo" 25.10.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4650924.html> (data obrashheniya 16.11.2020).
5. Popovkin A.V., Pchelkina S.YU. Tolerantnost' i metakul'tura // Ehtnicheskoe mnogoobrazie v usloviyakh sotsial'nykh transformatsij: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: Privolzhskij Dom znanij, 2010. S. 54–58.
6. Rudnev M. Traditsionnye tsennosti i real'nost' // Vedomosti. 17.05.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (data obrashheniya 16.12.2020).
7. Celicates R., Gosepath S. Politische Philosophie: Grundkurs Philosophie. Bd. 6. – Stuttgart: Reclam, 2016. 244 s.
8. Heyd D. Education to Toleration: Some Philosophical Obstacles and their Resolution// The Culture of Toleration in Diverse Societies: Reasonable Tolerance, Ed. by C. McKinnon, D. Castiglione. Manchester University Press, 2003. 224 p.
9. Toleration: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. Princeton University Press, 1996. 243 p.